



Автор:

Ильченко Татьяна

ученица 10 класса

Руководитель:

Шаповалова Елена Александровна

заместитель директора по УВР, учитель информатики

Муниципальное общеобразовательное учреждение

средняя общеобразовательная школа № 3

с. Китаевского Ставропольского края

МОЯ СЕМЬЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Не дымятся дали, пыль черна от слез.
Ни одной медали Дед мой не принес.
Только в этом самом нет его вины,
Потому что сам он не пришел с войны.

В. Дворянский

Война... Какое страшное слово. Чье сердце не сожмется при воспоминании о тех трудных и долгих днях! Она длилась четыре страшных года, 1418 дней и ночей. 20 миллионов сынов и дочерей потеряла наша Родина в этой битве. Не было семьи, из которой не увела бы она отца или сына, мужа или брата. Каждый девятый житель нашей страны не вернулся домой. Испепеляющим огнем прошла война и по Ставропольской земле, оставив после себя сотни вдов, сирот, матерей, потерявших детей, девушек, не дождавшихся своих женихов. Из Новоселицкого района не возвратилось более 2800 человек, среди них и пропавшие без вести.

Я родилась и выросла на мирной земле. Я хорошо знаю, как шумят весенние грозы, но никогда не слышала оружейного грома. Я много знаю об этой войне



(не только из книг, газет и фильмов), потому что она не обошла и мою семью.

В августе 1941 года призвали на фронт моего прадедушку Кривова Ивана Павловича. Дома осталась жена (моя прабабушка) с двухлетней девочкой (моей бабушкой) на руках. Дети войны... Они рано и быстро выросли. Не детская это тяжесть, война, а они хлебнули ее полной мерой. Дети своего народа, они не склонили головы перед страшным и жестоким врагом, а помогали взрослым, как могли. Женщины работали в колхозе, растили хлеб для фронта и ждали писем. Долгое время вестей от мужа с фронта прабабушка не получала, терялась в догадках, жив ли он, а может погиб или пропал без вести. Почему же нет писем? И так до конца 1944 года.

Эта осень стала для них роковой... Однажды ранним утром в маленьком домике на хуторе Горном, где в то время жила прабабушка с дочерью, появились люди из НКВД. Они сообщили ей страшную весть: Кривов Иван Павлович предал Родину, и семья понесет соответствующее наказание...

«Кривова Александра Алексеевна осуждена Особым Совещанием НКВД 30.10.1943года (как член семьи изменника Родины) сроком на 5 лет».

Мой родной!

Не расстаться с тоской,

Невеселый мой путь, невеселый...

Покидаем родимые села, -

И увозят по взгорьям, по долам

Нас в далекий неведомый край...

Им даже не дали положенные 24 часа, чтобы собрать вещи, еду, попрощаться с родственниками. Посадили в телегу и повезли в Минеральные Воды на вокзал. Там погрузили в товарный поезд. Было холодно, жутко и страшно. В одном вагоне находились семьи из Новоселицкого, Александровского и других сел и городов Ставрополя. Но с малолетним ребенком была только одна прабабушка. Всем хотелось есть, согреться. Они не знали, куда их везут, что их



ждет и, главное, что волновало всех: «Почему это случилось?» А поезд все мчался вперед. В Москве всех рассадили по разным поездам, и через несколько часов поезд снова отсчитывал километры. Так они прибыли в город Красноводск. Теперь предстояло плыть на пароходе в г. Кустанай - место ссылки.

Я даже не могу себе представить, что эта маленькая девочка, чуть не умершая от дизентерии (на пароходе кормили только баландой: чеснок и свекла, сваренные в воде), страдающая от голода, была моей бабушкой. Но добрые люди не дали ей умереть, подкармливали, отдавая последнее.

26 февраля 1945 года мои родные прибыли в г. Кустанай и были взяты на учет. Начались годы скитаний... Хозяйка квартиры, где их поселили, была очень злой и жестокой женщиной. Маленькую Машу, мою бабушку, она заставляла на холодном бетонном полу чистить картошку, а ей в том время было всего лишь 6 лет. Прабабушка не могла слова сказать в защиту дочери, иначе бы они потеряли жилье. Когда терпеть унижения стало невозможно, решили все-таки сменить квартиру.

Прабабушку нигде не брали на работу, она была инвалидом (не работала правая рука). Хозяйка второй квартиры тоже не отличалась добротой. Зная прабабушкину беду, все равно заставляла ее усиленно работать, стоять целый день в очереди у колодца, так как воды в домах не было и почти все население города находилось там. Очередь приходилось занимать с четырех часов утра. Хозяйка назначила время: «Александра, если явишься с водой позже девяти часов, я в дом не пущу, и ты будешь ночевать на улице». И один раз, когда очередь была особенно большой, прабабушка опоздала, хозяйка в дом ее не пустила. После этого случая, да еще узнав, что хозяйка со своим сыном по ночам воровали со склада продукты и одежду и прятали все это в канаве за городом, прабабушка ушла отсюда.

В этот раз им встретился хороший человек. Смотритель городского парка не только приютил несчастных в своей сторожке, но устроил



прабабушку на работу сторожем в сапожную мастерскую. Воры, узнав, что мастерскую охраняет беззащитная женщина, да еще и инвалид, решили туда влезть. Моя бабушка вспоминает: «Ночью мы мирно спали, ничего не подозревая. Но вдруг услышали какой-то странный шум - это воры взламывали замок. У нас волосы на голове поднялись, так было страшно. Но Господь и здесь не оставил нас. По улице в это время проходил милиционер и услышал шум. Воров удалось поймать, но маму уволили с работы».

Что теперь было делать? Как жить? Положенных 30 рублей, которые государство должно выплачивать ссыльным, прабабушка не получала, вероятно, их кто-то присваивал, и оставалось одно - просить милостыню.

Как трудно было им в чужом городе, за тысячи верст от дома, от родных! Прабабушке так никто и не смог объяснить, в чем была ее вина. Даже если муж и предал Родину (но этому она никогда не верила и до самой смерти ждала, что он вернется), то в чем же виновата ее дочь, она сама?

Кто сейчас ответит моей бабушке за чьи-то ошибки? Кто вернет ей детство? Я не перестаю удивляться умению людей того времени любить, оставаться милосердными и остро чувствовать чужую боль.

Время шло неумолимо вперед. Бабушке надо было идти в школу. Но у нее не было теплой одежды и обуви. Когда наступали холода, приходилось сидеть дома. Только через два года она смогла закончить первый класс. Радость хоть иногда, но приходила и в их маленький домик. Школа купила моей бабушке ботинки и пальто. Ее счастью не было предела. А соседка по парте Ия, дочь большого городского начальника, делилась с бабушкой своими завтраками и обедами. До сих пор помнит бабушка красивую девочку с добрым сердцем, Ию Рамзай, и вкус ее бутербродов.

Наступила осень 1948 года. Она принесла с собой добрые вести. 30 октября моя прабабушка была освобождена, она попала под сталинскую амнистию. И снова долгая дорога, но она была радостной, потому что это была дорога домой.



Родина встретила их сурово: кто-то считал врагами народа, кто-то злословил, а родственники и друзья радовались их возвращению и не могли поверить в то, что они выжили. Но на этом беды не закончились. Дом и хозяйство им не вернули. На время в своей большой семье прабабушку с дочерью приютил родной брат, а позже купил им землянку. Бабушка снова пошла в школу. Ей было трудно учиться. Школа находилась в шести километрах от дома. Сказывалось то голодное время, которое она провела в Кустанае, да и здесь особо нечего было есть. Но они держались, как могли. От прадедушки вестей так и не было. Что с ним произошло, никто не знал. Во время пребывания немцев на Ставрополье все архивы были уничтожены. Ни один военкомат сведений не давал.

Прошли годы. Восемь лет бабушка со своей мамой прожила в землянке. И только в 1957 году им колхоз построил маленькую хатку. Бабушка выросла, закончила школу, но все эти годы ее волновал вопрос, кто же ее отец. В 1956 году пришел ответ из Ленинградского военного округа, что дело на Кривова Ивана Павловича прекращено за отсутствием состава преступления. Горькие слезы радости, что отец не виновен, и острая душевная боль переполняли бабушку и ее мать. Вот цена напрасных страданий. На этом можно бы поставить точку. Но не все еще сказано о моей семье.

Прабабушка умерла в 1972 году, так ничего не узнав о своем муже: был ли он в плену, погиб ли в жестоком бою или остался жив, но по какой-то причине не смог вернуться домой. А моя бабушка по-прежнему ищет отца. Но сведений о нем нигде нет, ни в одном архиве, как будто не было человека на свете. А ведь он жил, воевал и обещал вернуться.

Идут годы, война уходит в прошлое, но, странное дело, она не превращается в далекую историю, не уходит в позавчера, а, наоборот, ярче предстает перед нами во всей своей неповторимой трагичности и героичности. Война продолжает жить в нас, в наших воспоминаниях, во всем, к чему прикоснулась она. История моей семьи еще не закончена. Но я думаю, скоро узнаю о том, что хранили



документы архивов.

Пока память о моем прадеде жива, он будет для нас героем.